

Глава 11

Цюй Цзайян целых два дня грыз гранит науки под присмотром Бога учёбы, и ровно на столько же из его жизни исчез Чэн Нань. Тот лишь изредка присылал обрывистые сообщения, демонстрируя ледяное безразличие. На его аватарку впору было вешать табличку: «Не спрашивай, занят».

Лишь в понедельник, после торжественного поднятия флага, Цюй Цзайян сумел зажать беглеца в углу у края спортплощадки. Схватив свою «капусту» за шиворот, он потребовал объяснений.

Чэн Нань, глядя на свирепого Ян-гэ, за спиной которого маячил Бог учёбы, излучающий холод не хуже кондиционера, запричитал и принялся изливать душу.

В субботу он решил заняться здоровьем, встал ни свет ни заря и оседлал прокатный велосипед. Парень благополучно миновал час пик, увернулся от падающего с неба птичьего помета, но на повороте не разошёлся с мотоциклом.

Когда сталкиваются две силы, кто-то обязательно страдает. Очевидно, что в битве велосипеда против гоночного байка шансов у Чэн Наня не было. К счастью, скорость была небольшой: тот ловко спрыгнул на ходу, отделавшись лишь парой царапин, когда падающий велик зацепил его по касательной.

— Но самое обидное даже не авария, а этот мотоциклист! Твою ж за ногу, он достал бумажник и спросил, в порядке ли я! Решил, что я автоподставщик, и хотел откупиться жалкой пятисоткой! — Чэн Нань в сердцах ударил кулаком по ладони.

Цюй Цзайян окинул взглядом прыгающего перед ним друга:

— Так ты сам-то цел?

— Да дело не в этом! Он обвинил меня в подставе! Навесил на меня этот позорный ярлык! — Чэн Нань подпрыгнул, захлебываясь от возмущения. — Это же просто оскорбление чести!

— И что потом? — Цюй Цзайян зевнул. В этой истории он не спешил принимать чью-то сторону.

Потом Чэн Нань бросился вдогонку и увидел, как парень зашёл в интернет-кафе. Устроившись неподалёку, Нань вдруг осознал, что всё-таки ранен, разозлился ещё сильнее и решил во что бы то ни стало дождаться обидчика.

— То есть... ты не нашёл его в клубе и из чистого упрямства, хромой и несчастный, проторчал там два дня в засаде? — Цюй Цзайян посмотрел на дурную голову Чэн Наня, не зная,

выругаться или пожалеть.

Ли Гэнчэнь тоже явно впечатлился методом «иголки в стог сена». Потерев переносицу, он спросил:

— Ты хоть какие-то зацепки запомнил? Сколько ему лет, похож ли на студента? Если это было в районе Хайжун, он вполне может быть из Четвёртой школы.

Чэн Нань напряг память, но всё тщетно.

— Ладно, пошли в класс, — Цюй Цзайян поднялся, услышав предварительный звонок из учебного корпуса.

По пути Ли Гэнчэнь, заметив, что Чэн Нань собирается свернуть на лестницу второго этажа, не удержался:

— По идее, даже если мотоцикл поворачивал, он не должен был в тебя врезаться. Разве что он обгонял тебя сзади и резко подрезал.

Чэн Нань замер, восстанавливая в голове картину происшествия.

— А, это... Кажется, я ехал по встречке, хе-хе.

Ли Гэнчэнь: —...

Цюй Цзайян: —...

Бог учёбы, в очередной раз поражённый логикой этого парня, вернулся за парту в глубокой задумчивости. Цюй Цзайян же выложил конспекты на стол.

— Забей, не бери в голову. Чэн Нань — парень простой, он об этом через пять минут забудет.

Но Цюй Цзайяна тут же настигла мгновенная карма.

Едва закончился урок, Чэн Нань примчался к ним, возбуждённо размахивая руками. Он вспомнил: на руке мотоциклиста был браслет, который есть только у учеников Второй школы. Поскольку их носил каждый второй, он сразу и не придавал этому значения.

Этот браслет выпустили ограниченной серией к юбилею школы. Воодушевлённый Чэн Нань тут же набросал портрет «врага», вложив в него весь талант, доставшийся ему в наследство от Пикассо, и вывел сверху огромными буквами: «ОБЪЯВЛЕНИЕ О РОЗЫСКЕ».

Глядя на этот шедевр, Цюй Цзайян мог гарантировать лишь одно: людей с такой внешностью в природе не существует.

Чэн Нань заявил, что найдёт наглеца сам и запретил друзьям вмешиваться. Цюй Цзайян, собиравшийся было подправить «фоторобот», тут же передумал.

— Настоящий мужчина должен сам насладиться вкусом охоты на врага, — изрёк Чэн Нань с предельной серьёзностью.

— Настоящий мужчина сейчас насладится вкусом моих кулаков, если не замолкнет, — Цюй Цзайян бросился за ним вдогонку по коридору.

Вечером Цюй Цзайян, проголодавшийся после самоподготовки, потащил Ли Гэнчэня перекусить шашлыками. Проходя мимо информационной доски корпуса «Б», они наткнулись на тот самый абстрактный листок, щедро обклеенный розовым скотчем с цветочками.

Цюй Цзайян тут же достал телефон и заблокировал Чэн Наня. У него не могло быть такого сына.

Ли Гэнчэнь, давясь от смеха, сделал несколько снимков. Они и не подозревали, что в школьном паблике этот портрет уже разлетелся на мемы, а в комментариях устроили конкурс «угадай кто», собрав сотни ответов от всех классов.

— Чэн Нань написал, что ему нужно забрать посылку, встретимся на месте, — Ли Гэнчэнь заглянул в телефон. Чэн Нань прислал ему целую простыню жалоб на «детское» поведение Цюй Цзайяна и призывал Бога учёбы к солидарности.

Цюй Цзайян шёл следом за Ли Гэнчэнем, глядя на его прямую спину, и не переставал удивляться. До встречи с ним он и представить не мог, что в школе у него появится друг помимо Чэн Наня.

Но тонкий внутренний голос шептал: Ли Гэнчэнь — его «определённая цель», и, возможно, именно поэтому он занимал в его сердце совсем иное место.

Они устроились за столиком шашлычной. Ли Гэнчэнь, явно не привыкший к подобным заведениям, в меню ориентировался из рук вон плохо.

Цюй Цзайян едва не сполз под стол от смеха.

— «Какие сеты посоветуете?» Ты бы ещё спросил, нельзя ли заказать всё по списку.

Ли Гэнчэнь в отместку попытался пнуть его под столом. Цюй Цзайян ловко увернулся и мгновенно зажал ногу Бога учёбы между своими коленями.

— Опа! Не попал? Решил на Ян-шэня ногу поднять? Забыл, кто тебя в первый день спасал?

Правая нога Ли Гэнчэня оказалась в капкане. Через тонкую ткань школьных брюк он ощущал жар, исходящий от Цюй Цзайяна. Стоило тому чуть напрячься, как он плотно прижался бёдрами к ноге Гэнчэня.

— О, уже едите? — к ним подошёл Чэн Нань, таща огромную коробку. Он бесцеремонно плюхнулся рядом с Ли Гэнчэнем.

Тот пулей отдернул ногу. Цюй Цзайян тоже выпрямился, краем глаза заметив явное смущение на лице Бога учёбы.

«Чёрт, заигрался», — подумал он. Привык дурачиться с Чэн Нанем и совсем забыл, что этот парень — натура утончённая.

Чэн Нань озадаченно почесал затылок. Что это с ними? Какие-то они странные.

— Вторая мама, что заказал? Дай кусочек почек, умираю с голоду.

Цюй Цзайян сунул ему шампур:

— На, ешь. Почки полезно... для мужской силы.

Чэн Нань: —???

«Подозреваю, Вторая мама намекает на что-то непристойное, и у меня есть доказательства».

Цюй Цзайян мысленно дал себе пощёчину. Язык мой — враг мой.

Чэн Нань, не выпуская шампур изо рта, принялся хвастаться коробкой. Оказалось, сестра нашла ему мастера, который собрал профессиональный скейт.

— Колёса для асфальта, подшипники Bones... А! Моё мясо! — пока он расхваливал доску, последний кусок баранины переключивал в тарелку Цюй Цзайяна.

Тот прожевал его с видом истинного гурмана и выдал:

— Ум-м, объедение.

Ли Гэнчэнь со скучающим видом рассматривал чёрную поверхность деки, торчащую из коробки. Скейтом он никогда не увлекался.

— Чэнь-шэнь, будет время — сводим тебя покататься. У нас с Ян-шэнем есть секретное место, просто отпад, — Чэн Нань подмигнул другу.

Цюй Цзайян подхватил палочками последний кусочек мяса и поднёс его прямо к губам Ли Гэнчэня. Тот, не ожидая, что его будут кормить с рук во второй раз за жизнь, оцепенел.

Цюй Цзайян не выдержал:

— Ну что за тормоз? Рот открывай, быстро.

Чэн Нань с тоской наблюдал, как последний трофей исчезает во рту Бога учёбы. Стало невыносимо обидно.

Вот тебе и дружба длиной в восемь лет — уступила какой-то неделе соседства за партой.

Чэн Нань обнял свой скейт и что-то нажал в телефоне. Через секунду из динамика заунывно потянулось: «Ой, бедная я капуста, завяла на грядке... Матушки нет, батюшке не нужен...»

Цюй Цзайян: —...

Ли Гэнчэнь: —...

Атмосфера за столом окончательно заледенела под звуки песни: «Братец ест лапшу, а я хлебаю воду-у...»

— Хлебни-ка лучше молчания! — Цюй Цзайян выхватил скейт в качестве заложника. — Выключай немедленно!

Чэн Нань, вцепившись в телефон, продолжал упорствовать. Нет, он не просто капуста, он — самая одинокая и всеми брошенная капуста в мире.

— Опа, пацаны, а что это у нас тут за игрушка? Дайте-ка старшим заценить? — за соседний столик примостилась компания гопников. Мяса они почти не заказали, зато пива взяли целых два литра.

Возглавлял их Лысый Главарь с приметной татуировкой: длинная полоса шла от лба через всю макушку к затылку. В ухе поблескивала серьга. Стоило ему открыть рот, как волна перегара едва не сбила друзей с ног.

Цюй Цзайян пристроил скейт у ног и брезгливо поморщился, отмахиваясь от амбре:

— Пустяки, безделушка дешёвая.

— Дешёвая, говоришь? Ну-ка, покажи, — лысый протянул руку. Его прихвостни тут же обступили стол, поддакивая:

— Да ладно тебе, дай поглядеть. Гляньте на них: одеты как мажоры, разве будут они с дешёвкой возиться?

— Наш Лун-гэ хочет взглянуть, живо гони сюда!

Цюй Цзайян отложил палочки и медленно поднялся, загораживая собой Ли Гэнчэня и Чэн Наня.

— А если я не хочу?

Главарь оскалился в попытке изобразить роковую ухмылку и обернулся к своим:

— Слыхали, пацаны? Малой не хочет по-хорошему. Что делать будем?

Какой-то кривомордый с ирокезом, разминая кулаки, подхватил табурет:

— Лун-гэ, если не хочет по-хорошему... отведает по-плохому!

И с этими словами стул полетел прямо в лицо Цюй Цзайяну.

— Стойте, Лун-гэ! Я вспомнил! Это же заправила из Второй школы... как его... Цюй что-то там Ян!

Услышав имя, лысый оскалился ещё шире:

— О-о, ну тогда закроем и старые долги заодно!

— Какие ещё долги? — Цюй Цзайян уклонился от летящего табурета, перехватил руку нападавшего, заломил её и мощным пинком отшвырнул стул в сторону.

— Чжан Лэй из спортивного класса — мой кореш! — заорал лысый, выхватывая из-за пояса телескопическую дубинку и замахаясь в плечо Цюй Цзайяна.

— Вот оно что... Тесен мир! — Цюй Цзайян прищурился. Извернувшись всем телом, он в прыжке выбил дубинку из рук главаря ударом ноги с разворота.

Тот подонок, Чжан Лэй, видимо, всё ещё бесился из-за ничьей на баскетбольной площадке.

Чэн Нань впихнул скейт в руки Ли Гэнчэню и бросился в драку. Эти двое дрались бок о бок сотни раз, так что понимали друг друга без слов.

Ли Гэнчэнь передал доску и телефоны перепуганному хозяину заведения. Когда он обернулся, нападавших стало ещё больше. Шашлычник, дрожащими руками прижимая к себе вещи, уже набирал полицию — драки тут случались, но чтобы трое против толпы, да ещё так яростно — такое он видел впервые.

Люди Лун-гэ были местным отребьем из района Хайжун: приглядывали за клубами и борделями, в драке вели себя как бешеные псы — жестоко и безрассудно.

Цюй Цзайян вырубил четверых и, заметив блеск ножа в чьей-то руке, крикнул Ли Гэнчэню:

— Назад! Не лезь!

Но едва он договорил, как за его спиной мелькнуло лезвие. Ли Гэнчэнь, не раздумывая, подхватил тяжелый стол и обрушил его на нападавшего.

Стол — в щепки, гопник — в нокаут. Бог учёбы крушил врагов так, что ножки у столов подламывались.

С появлением Ли Гэнчэня Цюй Цзайяну и Чэн Наню стало куда легче. Бог учёбы дрался молча и методично: он стремительно уклонялся, нанося точные удары по нервным узлам и мягким тканям.

Снаружи следов не останется, но боль будет адская.

Силы сравнялись, исход битвы был неясен, но тут издали донёсся вой сирен.

— Чёрт, легавые! — рявкнул кто-то в толпе.

Лун-гэ рванулся было наутёк, но Цюй Цзайян намертво перекрыл ему путь.

— Прекратить! Всем лежать!

— Руки за голову! Всем на землю!

Банда лысого, будучи тёртыми калачами, послушно повалилась на землю. Лишь Цюй Цзайян не спеша отряхнул одежду.

Полицейский подошёл к ним, переводя дух:

— Вы трое — тоже за нами.

По пути в участок Цюй Цзайян не мог выкинуть из головы образ Ли Гэнчэня, размахивающего столом.

Оказывается, Бог учёбы умеет драться?

В этот момент Цюй Цзайян не знал, что и думать: то ли просто «черт возьми», то ли «черт возьми, как же это круто».

<http://bllate.org/book/17542/1702458>